

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

С.Ю. Воскресенская

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ЛЮБВИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Любовь – одна из важнейших составляющих внутреннего мира человека. «Большой энциклопедический словарь» определяет любовь как «интимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность, человеческую общность или идею» [2]. Но «индивидуально-личностное представление о любви остается за рамками словарных статей» [7: 118]. Значение слова вообще и слова *любовь* в частности для каждого человека обрывается личностным смыслом, не поддающимся полному научному описанию. Тем не менее, личностный смысл может быть выражен в тексте, особенно в художественном, так как «суть любого художественного творчества заключается в выражении личностных смыслов» [10: 132]. И выражение, и понимание таких смыслов возможно потому, что «речевая организация индивида функционирует посредством постоянного выхода на индивидуальный образ мира через вырабатываемые по законам психической деятельности перцептивно-когнитивно-аффективно обусловленные образы сознания; а в качестве единиц выступают концепты» [4: 50]. Чтобы разграничить термины *концепт*, *понятие*, *значение*, воспользуемся формулировкой Н.О. Швеца: «Под концептом понимается некая структурная единица опыта / памяти / сознания человека, которая сосредотачивает все виды перцептивной, моторной, эмоциональной, концептуальной и любой другой возможной информации» [12: 166]. Термины *понятие* и *значение* не учитывают личностного компонента этой информации и фиксируют лишь самые общие признаки денотата. Говоря о лингвокультурном направлении в изучении концептов, С.И. Меньшикова замечает, что «национальная концептосфера существует постольку, поскольку есть концептосфера индивидуальная» [8: 56]. Вслед за Ю.С. Степановым она рассматривает концепт как «сгусток культуры в сознании человека» [8: 55]. С.И. Меньшикова подчеркивает необходимость понимания любви как нравственного концепта, входящего в метаконцепт ПРАВСТВЕННОСТЬ. На основе научных данных Н.О. Золотова делает вывод о доминирующем положении «в ядре языкового сознания русских, белорусов, болгар и украинцев таких концептов, как ЖИЗНЬ, ЧЕЛОВЕК, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, ДРУГ, СЧАСТЬЕ, ДОБРО, СМЕРТЬ, ДЕНЬГИ, БОЛЬШОЙ» [5: 25–26].

Рассмотрение любви как концепта дает возможность приоткрыть завесу, скрывающую личные переживания индивида и то место, которое это чувство занимает в его личностном образе мира. А.А. Залевская подчеркивает, что слова являются средством выхода индивида на картину мира [3: 12]. Тем не менее, так же подчеркивается необходимость разграничивать

актуализацию концепта и его вербальное описание. «Во всех случаях при попытке дать как можно более полное описание понятого нами, мы идем все дальше за отодвигающейся “линией горизонта”, поскольку индивидуальный образ мира не имеет ни начала, ни конца» [4: 50].

Если «при научном описании концепты (в том числе “культурные концепты”) на самом деле представляют собой конструкторы» [3: 16], можно ли описать *любовь* как концепт? Ведь при анализе поэтического текста невозможно проникнуть в мысли автора, в его внутренний мир. Художественный текст характеризуется многозначностью смыслов, поэтому «интерпретируя художественный текст, исследователь (при неизбежном огрублении) уменьшает степень неопределенности и многозначности его смысловой сферы. Но полностью устранить неопределенность интерпретатор не может – это привело бы к игнорированию самой природы художественного текста» [6: 241]. При каждом прочтении такого текста конструируется новый смысл. Несомненно, полное описание концепта невозможно. Тем не менее, попытка выделить некоторые общие черты в раскрытии концепта ЛЮБОВЬ на примере художественных текстов представляется нам вполне оправданной. Анализ образов любви позволяет наметить своего рода тему, в рамках которой концепт ЛЮБОВЬ реализуется в той или иной культуре (разумеется, всякая тема предусматривает возможность написания все новых художественных текстов и бесконечных вариаций их прочтения). Для исследования национальной концептосферы также важно выявить взаимосвязи концепта ЛЮБОВЬ с другими концептами.

Материалом для нашего исследования послужили стихотворения немецких и русских поэтов. В ходе исследования была предпринята попытка ответить на два вопроса: Как концепт ЛЮБОВЬ раскрывается в поэтических текстах народа? Какие конструкторы можно выделить на основе анализа этих текстов?

Образы любви в лирике – неисчерпаемая тема для исследования. Даже беглый взгляд позволяет выявить символы, в сопровождении которых появляется слово *любовь*. В основном, это понятия 'жар', 'сердце', 'сладкий', 'боль', 'страдание', 'розы', 'цветы', 'соловей': *der Liebe Glutt* (Hans Abmann von Abschatz), *Rosenglut* (Wilhelm Arent), *süße Liebe; süße Mutter aller Dinge* (Ernst Moritz Arndt), *Und die Liebe ist der Schmerz* (Otto Julius Bierbaum), *Singe mir, heilige Stimme der Liebe, / Nachtigallkehle, den kurzen Gesang* (Ernst Moritz Arndt). В приведенном ниже стихотворении Эрнста Морица Арндта, жившего в конце XVIII – начале XIX вв., любовь метафорически обозначается лексемами *Blume* (цветок), *Göttin* (богиня), *Biene* (пчела), *Melodie der Nachtigallen* (соловьиное пение). Общим признаком для столь разных денотатов является идея кратковременности: цветок быстро вянет, богиня является своим почитателем на краткое мгновение, пчела недолго кружит около цветка, соловьиное пение прекращается, когда проходит весна. Одновременно актуализируются смыслы 'красивый', 'прекрасный', 'нежный', так как для определений любви автор выбирает слова, вызы-

вающие приятные тактильные (нежный цветок в руке), визуальные (легкий полет пчелы, прекрасная богиня) и звуковые представления (негромкое жужжание пчелы, пение соловьев). В результате любовь понимается читателем как прекрасное, но кратковременное чувство.

*Was ist Liebe? Eine zarte Blume,
Die zerflattert, wenn die Hand sie pflückt,
Eine Göttin, die im Heiligtume
Nur durch Anschauen Sterbliche beglückt,
Eine Biene, die mit leichtem Wallen
Wenig Stunden um die Kelche summt,
Eine Melodie der Nachtigallen,
Die nach kurzem Lenz verstummt.* (Ernst Moritz Arndt)

Образы любви чрезвычайно многообразны и создаются различными стилистическими средствами. В контексте нашего исследования мы обратимся к персонифицированным образам любви в немецкой и русской поэзии (здесь и далее примеры приводятся по изданиям [1; 9; 11]). Персонификация позволяет не только представить абстрактное понятие (в нашем случае любовь) в более или менее конкретном образе (человека или животного), но и, сделав его собеседником или предметом наблюдения, посмотреть на чувство со стороны. В рамках данной статьи мы сконцентрируемся, в основном, на примерах персонификации из немецкоязычных текстов.

Заслуживают внимания персонификации любви в образах бабочки и птицы. В этом случае можно говорить о метафорах-персонификациях, так как, во-первых, любовь представляется в виде живого существа, а, во-вторых, выбор живого существа основывается на некоем признаке, угадав который, читатель делает вывод об определенных свойствах этого чувства:

*Einem Schmetterlinge gleicht die Liebe;
Wie er flatternd über Blumen schwebt,
So entflieht sie oft auf leichten Schwingen,
Und nur selten kehrt sie uns zurück.* (Charlotte von Ahlefeld)

Сравнение любви с бабочкой, как в приведенном выше примере, призвано выразить идею о мимолетности любви. При персонификациях любви в образе птицы акцент делается на песне, выражающей чувства любящего:

*Ein Vogel singt gottlobesam,
Ein Vogel tief ist meiner Brust;
Der Vogel ist die Liebe,
Die Liebe.* (Otto Julius Bierbaum)

Интересно, что любовь при персонификации очень четко проявляется как двойственное чувство. В философском смысле любовь – высшая ценность: «Метафизический смысл любви заключается в том, что она является духовной силой, которая открывает возможность одному человеку видеть бесконечность, неисчерпаемую глубину в другом» [7: 117]. Но персонифи-

цированная любовь нередко выступает в разных, даже противоположных обличьях: как высшая добродетель и как источник боли и страданий. Приведем несколько примеров. В стихотворении «Der Liebe verkehrtes Recht» Ганса Асмана фон Абшаца (XVII в.) лирический герой сетует на «жестокое права» любви, причиняющей душевные муки тем, кто верно ей служит:

*Wie grausam sind, o Liebe, deine Rechte!
Ein leichter Sinn schmeckt tausendfache Lust,
Der Thränen Tranck, der Seufftzer schwere Kost
Nährt und verzehrt die Hertzen treuer Knechte
Wie grausam seyn, o Liebe, deine Rechte!* (Hans Aßmann von Abschatz)

В отрывке из другого стихотворения того же автора служители любви, вообще, находятся у нее в тяжком рабстве:

*Lebt in harter Slavery
Wer der Liebe dienen muß.* (Hans Aßmann von Abschatz)

Любовь правит миром, но при этом она слепа и обрекает любящих на страдания, столь сильные, что лирический герой восклицает: «Счастлив тот, кто не любит!»:

*O wie glücklich, wer nicht liebet,
Wer nicht fühlt in seinem Herten
Heisse Schmerzen
Von dem Triebe
Blinder Liebe,
Der die Welt sich untergiebet.* (Hans Aßmann von Abschatz)

У Шарлоты фон Алефельд (конец XVIII – начало XIX вв.) любовь вооружена луком с ядовитыми стрелами, лишает человека мира в душе и выступает как разрушительница гармонии:

*Und verlohren ist der goldne Frieden,
Der der Kindheit nur allein beschieden,
Wenn Dir Liebe droht mit giftigem Pfeil.* (Charlotte von Ahlefeld)

В русской поэзии также можно найти примеры жестокой, коварной, злой любви:

*Не мать, а мачеха – Любовь (М. Цветаева)
Жестокая любовь и каторжная страсть (М. Цветаева)
Любовь покоряет обманно,
Напевом простым, неискусным (А.А. Ахматова)
Как в юности злая девчонка – любовь (А.А. Ахматова).
Ты мне постыл. А пытка длилась,
И как преступница, томилась,
Любовь, исполненная зла (А.А. Ахматова)*

Генрих Гейне (конец XVIII – начало XIX вв.) в стихотворении «Solidität» («платежеспособность») высмеивает продажную любовь. Стихотворение построено как передача диалога между любовью и богом песен (его атрибут, лира, указывает на Аполлона), у которого любовь требует «гарантий». То, что любовь при этом персонифицирована, придает образу всеохватность: любовь как чувство, любовь как абстрактное понятие сгущается до конкретного образа, увы, весьма нелицеприятного – красавицы с душой ростовщика:

*Liebe sprach zum Gott der Lieder,
sie verlange Sicherheiten,
ehe sie sich ganz ergebe
denn es wären schlechte Zeiten.*

*Lachend gab der Gott zur Antwort:
Ja, die Zeiten sich verändern,
und du sprichst jetzt wie ein alter
Wucherer, welcher leiht auf Pfändern.*

*Ach, ich hab nur eine Leier,
doch sie ist von gutem Golde.
Wieviel Küsse willst du borgen
mir darauf, o meine Holde? (Heinrich Heine)*

В ряде стихотворений обнаруживается отчетливая связь любви со смертью. Причем смерть является как следствием того, что без любви нельзя жить:

*Где отступает Любовь,
Там подступает Смерть–садовница. (М. Цветаева)*

так и того, что и с любовью жить нельзя:

Weil mich die Liebe zwingt zu gehen in den Tod (Hans Abmann von Abschatz)

Даже наслаждение, которое дарит любовь, отнимая свободу, превращается в символ смерти, когда лирический герой называет ложе любви «желанной пуховой могилой»:

*Drum sag ich gutte Nacht der bangen Einsamkeit
Und suche mehr vergnügt zu schlüssen meine Zeit
Der Freyheit danck ich ab
Und will sie izt verschlüssen
In dieser sanfften Küssen
Gewünschtes Feder-Grab. (Hans Abmann von Abschatz)*

Некоторые поэты сравнивают любовь со смертью, так как она разбивает сердце и отнимает разум:

*Die Lieb ist wie der Tod, sie tötet meine Sinnen,
Sie brichet mir das Herz und führt den Geist von hinnen. (Angelus Silesius)*

Связь любви со смертью парадоксальным образом оказывается и связью с жизнью. Любовь трактуется как начало и конец жизни, «душа всех душ, жизнь богов и смерть богов», «любящая смерть там, где начинается жизнь»:

*Wie die brünstige Brust der Rose schwillet zur Sonne,
Schwilt die sterbliche Brust, selige Liebe zu dir;
So umspinnt ihr stilles Geheimnis die Spindel der Parzen:
Wo das Leben beginnt, suche den liebenden Tod.* (Ernst Moritz Arndt)

*Die Liebe ist der Seelen große Seele,
Der Götter Leben und der Götter Tod.* (Ernst Moritz Arndt)

Способность любви побеждать время и смерть также провозглашалась некоторыми поэтами. Несмотря на то, что любящим нельзя избежать смерти, любовь как чувство не умирает:

*Wo Liebe Zeit und Tod besiegt
Wo Redlichkeit und Treue liegt
Zwey Herzen einen Sinn und eine Grabstätt haben.* (Hans Abmann von Abschatz)

Персонификации любви обнаруживают связь и с другими образами. Абшак называет молодость матерью любви, а изобилие и праздность – кормилицей, намекая на то, что в таких условиях плоды любви не заставят себя долго ждать:

*Jugend ist der Liebe Mutter
Füll und Müßiggang die Amme
Wann sie die nicht unterhalten
fällt die Frucht gar bald vom Stamme.* (Hans Abmann von Abschatz)

Чаще персонификации любви сочетаются с персонификацией надежды. Любовь в паре с надеждой представляют собой истинные добродетели и получают соответствующие характеристики, например *hold* (милый, чистый), *lieblich* (прелестный, ласковый):

*Auf meinem frühen, stillen Gang durch's Leben
Sah ich in holder, lieblicher Gestalt
Die Liebe und die Hoffnung vor mir schweben,
Von lichten Himmelsglorien umwallt.* (Charlotte von Ahlefeld)

В процитированном выше отрывке стихотворения лирический герой получает от Любви и Надежды бесценные дары (венки из роз, символа любви, и зеленых листьев, символа надежды), но не может уберечь их от невзгод житейской суеты. В результате любовь (как более нежное и ранимое чувство) умирает, надежда остается. Любовь, таким образом, оказывается слабее надежды.

Любовь иногда выступает и как сестра печали, так как не может в полной мере реализоваться в земной жизни:

*Sei süß mir, o Huldinne,
Sei, Wehmut, mir begrüßt!*

<...>

*Dich will ich ewig loben,
Dich und die Schwester dein,
Die Liebe, die nach oben
Auch lockt der lichte Schein,
Die Liebe, die auf Erden
Wohl nie Genüge find't,
Oft traurig an Gebärden,
Gleich dir ein himmlisch Kind.* (Ernst Moritz Arndt)

Персонификации Веры, Надежды, Любви широко известны. Эрнст Мориц Арндт добавляет к ним ещё Печаль и Радость как постоянных спутниц Любви:

*Die dritte heißt die Liebe,
Trägt einen Dornenstrauch
Und saugt mit süßem Triebe
Der roten Rosen Hauch:
Sie meldet, daß im Leide
Die höchste Wonne blüht,
Dum Wehmut mit der Freude
Ihr als Geleite zieht.* (Ernst Moritz Arndt)

Говоря про персонификации Любви, нельзя не упомянуть про образы Амура/Купидона и Афродиты/Венеры. Эти образы основываются на мифологической традиции греков и римлян и часто находили выражение в европейской живописи, а, значит, были знакомы всякому образованному человеку. Амур и Венера чаще изображались в паре, символизируя разные проявления любви: Амур как проказливый и жестокий ребенок олицетворял непредсказуемость и жестокость любви, Венера больше соотносилась с красотой и наслаждением. Впрочем, фигуры Амура и Венеры могли заменять друг друга. В следующем примере именно Венера обладает оружием, против которого бессильна броня:

*Was zwingt die Liebe nicht? Cupidens List und Macht
Hat manchen Jupiter in seine Netze bracht.
Gradivens kühner Leib in Stahl geschlossen ein
Kan für den Waffen nicht der Venus sicher seyn.* (Hans Aßmann von Abschatz)

В противовес плотской, страстной, земной любви поэты часто ставили любовь к Богу, небесную любовь. Ангелус Силезиус (XVII в.) посвятил теме истинной любви целый ряд стихотворных произведений, в основном двустихий и четверостихий. Поэт противопоставляет мирскую любовь (ненастоящую) Божьей любви (настоящей, истинной) на том основании, что мирская любовь эгоистична, истинная же любовь должна быть альтруистичной:

*Die Liebe dieser Welt will alls für sich allein,
Die Liebe Gottes macht dem Nächsten alls gemein.
Die wird ein jeder Mensch für Liebe wohl erkennen,
Jen' aber soll man Neid und keine Liebe nennen.* (Angelus Silesius)

Поскольку мирская любовь неистинна, она не возвышает человека и обречена на умирание в отличие от божественной любви:

*Die Weltlieb hat die Art, daß sie sich abwärts neigt,
Der göttlichen Natur ist, daß sie aufwärts steigt.* (Angelus Silesius)

Настоящая любовь должна быть жертвенной, как любовь Христа, принявшего ради спасения людей крестные муки. Поэтому возникает образ любви на кресте:

*Sag, wo die Liebe wird am liebsten gefunden?
Am Kreuz, wenn sie um des Geliebten willn gebunden.* (Angelus Silesius)

Жертвенная чистая любовь уже ничего общего не имеет со страстью, она не сладка и не упоительна, но зато она всеильна:

*Die Lieb beherrschet alls; auch die Dreieinigkeit
Ist selbst ihr untertan gewest von Ewigkeit.* (Angelus Silesius)

Чистая любовь часто противопоставлялась страстной, что иногда выражалось в разных атрибутах, которые получало персонифицированное чувство. Так, красные розы неизменно обозначали пылкую страсть, а белая лилия – невинность, как в следующем примере:

*Die Liebe, die des Lebens Kronen windet,
Hat sich die Purpurrose vorbehalten.
Wenn ihre Gluth der Lilie sich verbindet,
Muss sich des Daseyns höchstes Glück gestalten.
In ihres Duftes wonnevollem Grusse
Berührt der Himmel uns mit süßem Kusse.* (Charlotte von Ahlefeld)

Чистая и прекрасная любовь дает человеку смысл жизни, но далеко не всегда человек оказывается способным на такую любовь. Препятствие любви находится в самом человеке. Лирический герой Фридриха Рюккерта сокрушается о том, что лик истинной любви от него скрыт, но выясняется, что во всем виновата пелена у него на глазах:

*Seufzend sprach ich zu der Liebe,
Als ich sie entschleiert sah:
Ach, daß so dein Antlitz bliebe
Meinen Blicken ewig nah!
Doch wie dich die Sehnsucht freier
Schauet einen Augenblick,
Senket wieder sich der Schleier,
Und verdüstert mein Geschick.
Liebe sprach: in ewig reinem*

*Lichtestrahle ich, o du Tor,
Nicht von meinem, sondern deinem
Angesichte hängt der Flor.* (Friedrich Rückert)

В любовной лирике можно говорить о связанных между собой концептах ЛЮБОВЬ, ПЕЧАЛЬ, СМЕРТЬ, РАДОСТЬ, НАДЕЖДА. Некоторые отличительные характеристики конструкта ЛЮБОВЬ можно сформулировать следующим образом: любовь как высшая добродетель, любовь как источник страданий, любовь как синоним смерти, любовь как единство смерти и жизни, любовь как всепобеждающая сила, любовь как прекрасное, но ранимое чувство. Таким образом, ЛЮБОВЬ обладает антиномическими характеристиками.

В заключение отметим, что персонифицированные образы любви разнообразны и требуют дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахматова А.А. Лирика. – М.: Худож. лит., 1989. – 415 с.
2. Большой энциклопедический словарь // <http://slovari.299.ru>
3. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С.5–18.
4. Залевская А.А. Различные подходы к трактовке языка // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – Вып. 1. – С.48–56.
5. Золотова Н.О. Человек и слово как первичная реальность // Вестник Тверского государственного университета. – 2007. – № 24 (52). – Серия «Филология». – Вып. 9 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 19–30.
6. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Ось-89, 2005. – 560 с.
7. Меньшикова С.И. Любовь как нравственный концепт // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – Вып. 6. – С.116–121.
8. Меньшикова С.И. Соотношение понятий «концепт» и «метаконцепт» // Вестник Тверского государственного университета. – 2007. – № 24 (52). – Серия «Филология». – Вып. 9 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 53–61.
9. Немецкая поэзия от Лютера до Рильке // Digitale Bibliothek. Band 75: Deutsche Lyrik von Luther bis Rilke. – Berlin: Directmedia Publishing GmbH, 2002. – 115 000 S.
10. Четверикова О.В. Эмоционально-смысловые доминанты художественной речи А. Ахматовой и вербальные средства их презентации // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С.131–136.
11. Цветаева М.И. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. – М.: Худож. лит., 1990. – 398 с.

12. Швец Н.О. Смена системы координат в лингвистических исследованиях // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – Вып. 1. – С.164–169.

Е.В. Гарусова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ
В ПЕРЕВОДАХ ПОЭЗИИ Р. БЕРНСА

Фактом переводческой деятельности является возможность появления и параллельного сосуществования в художественной литературе множества вариантов перевода. То, что оригинал всегда один, а переводов может быть много – одна из бесспорных переводческих универсалий. Вариативность перевода часто является следствием явно выраженной позиции, которую переводчик занимает в деятельности в силу различных социокультурных обстоятельств.

Под *переводческой позицией* мы понимаем осознанную либо предзаданную заказчиком перевода установку переводчика на создание определенного перевода, в большей или меньшей степени соответствующего оригиналу, что допускает различные изменения в переводе по сравнению с оригиналом. Под *вариативностью* понимается параллельное сосуществование нескольких вариантов перевода одного и того же текста, выполненных с точки зрения различных переводческих позиций.

Установки переводчика, а также сами переводческие позиции были различны в разные эпохи и в разных странах. Следует отметить, что в России до середины XIX в. позиция переводчиков в условиях, когда культура носила кружковый характер, грамотных людей было немного, все они владели иностранными языками, и читающей аудитории, как правило, были доступны и оригинал, и перевод, заключалась в том, чтобы на основе оригинала создать свое собственное «впечатление». Многие переводчики стремились превзойти автора оригинала и каждый по-своему «улучшить» текст оригинала. В то время соответствие перевода оригиналу не рассматривалось в качестве неперемennого условия, перевод изначально рассматривался как вариативная деятельность. Можно предположить, что в это время как раз и возникало наибольшее многообразие вариантов перевода как следствие различных, явно выраженных переводческих позиций, направленных на различные модификации текста оригинала.

В настоящее время отношение к переводу неизбежно изменилось, поскольку в условиях всеобщей грамотности распространение текстов культуры вышло за пределы кружков. В связи с расширением культурных контактов, большим количеством языков, входящих в культурный оборот, и